

С. С. ЛАЗАРЯН

**А.П. ЕРМОЛОВ И М.С. ВОРОНЦОВ
СТРАТЕГИИ ПОКОРЕНИЯ КАВКАЗА
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ**

В статье сравниваются сущностные основы кавказского поприща А.П. Ермолова и М.С. Воронцова, дается характеристика направленности их деятельности посредством анализа используемой ими лексики, которой они отображали окружающую их действительность.

***Ключевые слова:** Кавказ, имперская администрация, покорение, устройство, лексика, концепт, экспрессия, противопоставление, языковая картина мира*

Два исторических лица, которые волею российских императоров и долгом службы возглавляли имперскую администрацию в Кавказском крае с интервалом в 17 лет: А.П. Ермолов начальствовал на Кавказе с апреля 1816 по март 1827 г., а М.С. Воронцов – с декабря 1844 по март 1854 г. – оба герои, и у каждого – свой миф.

Автор статьи не преследовал цели столкнуть эти исторические фигуры и не собирался доказывать негатив одного или позитив другого. Цель: показать инаковость героев – личностей и государственных деятелей, в т.ч. через анализ семантического ряда лексических форм, при помощи которых каждый из них репрезентировал социокультурное пространство кавказского мира и реализовывал себя в нем. Несхожесть натур и личностных качеств не помешали им более 40 лет поддерживать приятельские отношения. Более того, кавказский опыт одного стал в отраженном виде продолжением кавказской практики другого. Объектом настоящего исследования стали тексты, аккумулировавшие лексику А.П. Ермолова и М.С. Воронцова. Анализ писем¹, записок², распоряжений, отчетов и рапортов³ позволил через изучение семантики языковых знаков проникнуть в индивидуально-авторскую концептосферу каждого из представленных персонажей, выяснить то, что было важно для них, что составило сердцевину их поля зрения.

Языковые знаки, в данном случае – лексемы, которые использовали А.П. Ермолов и М.С. Воронцов – не столько отражение реального мира Кавказа, сколько их собственное, индивидуальное видение, воплотившееся в образ-трактовку Кавказа. Это также позволило выявить индивидуальную картину мира каждого из них.

¹ Архив князя Воронцова. 1892; Воронцов 1882; 1890. № 2; № 3; № 4; Удовик 2004; Ермолов, 2014.

² Ермолов 1991.

³ Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК) 1875; 1885.

Для А.П. Ермолова, сына небогатого орловского дворянина, военная карьера – единственный путь к известности и славе. Первым этапом стала Отечественная война 1812 г. и Заграничный поход Русской армии. На полях сражений получена первая громкая слава, давшая известность в армии и новые знакомства – вел. кн. Константин Павлович, вел. кн. Елена Павловна и Екатерина Павловна и сам император Александр I. Там же были заложены основы дружбы с Арсением Андреевичем Закревским и Михаилом Семеновичем Воронцовым, которые скоро значительно преуспели в карьерном росте: Закревский назначен дежурным генералом Главного Штаба Его Императорского Величества, а богач и аристократ граф Воронцов – командующим оккупационным корпусом во Францию. Генералу Ермолову было предписано командовать Гренадерским корпусом, расквартированным в российской провинции. Ермолову с его необъятным честолюбием, сродни недавно поверженному Наполеону, трудно было согласиться с таким несправедливым поворотом событий и избежать комплекса обиды. Потому Кавказ, о котором он стал думать как о месте реализации своих смелых и сокровенных мечтаний, способном стать его Тулоном, Судьбой и Славой – сделался почти навязчивой идеей. При этом Кавказ им должен был быть покорен. Кавказ мыслился Ермоловым как средство и цель для достижения основной направленности его усилий – Величия!

Когда, наконец, было получено назначение на Кавказ, Ермолов не смог сдержать радости, которой поделился с графом Воронцовым (братом Михайлой): «готовлюсь ехать в Грузию, где сделан командующим. Вот... исполнившееся давнее желание моё...»⁴, а прежде того признавался А.А. Закревскому: «Поистине скажу тебе, что во сне грезится та сторона и все прочие желания умерли»⁵. И Роману фон дер Ховену чуть приоткрыл свои мечты: «...у меня счастье нечеловеческое. Если голова уцелеет, не Грузией кончу – не радоваться врагам нашим!»⁶.

Бесстрашный, стремительный и энергичный Ермолов был уверен в своем высоком жизненном предназначении. Ему хотелось не только сравняться с приятелями своими, его запросы были более значительными: он хотел повторить судьбу Бонапарта. Мыслью он взбирался на самые головокружительные высоты, открывавшие почти безбрежные перспективы: «В Азии целые царства к нашим услугам...»⁷. Выбора у него не было – подвело происхождение, не оставившее ему иных путей к желаемому величию. Унизительными были малые материальные возможности при огромных амбициях. К тому же Ермолова не любили в Петербурге и не доверяли цари. В то время как Кавказ, где у него не

⁴ Ермолов 2014. С. 26.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Гордин 2000. С. 104.

могло быть достойных конкурентов, давал необыкновенный шанс, упустить который было непростительно.

Жаждой судьбоносного дела определялось всё: доктрина управления краем и соответственное восприятие края, его людей и своеобразная артикуляция кавказских реалий. Как отмечает Я.А. Гордин: «Воспитанный на сочинениях Тацита и Цезаря, проникнутый идеями римской военной цивилизации, Ермолов по аналогии с противостоянием римского мира и древних германцев сопоставлял русскую армию и воинов прикаспийских ханств и кавказских горцев, понимая всю психологическую несовместимость этих двух миров»⁸. Ермолов на Кавказе не просто ощущал себя представителем великой империи, он сам был там Империей! На этом самоощущении он выстраивал отношения с Кавказом и его обитателями. «Римлянин» Ермолов (прокуратор Кавказа), как и его кумир на кавказском поприще князь П.Д. Цицианов, глубоко презирал жителей Кавказа с высоты имперских представлений и высот своих амбиций, не допуская мысли об их равенстве⁹. Выработанная им доктрина и практика покорения Кавказа сделали имя Ермолова громким и «ненавистным для многих поколений жителей Кавказа»¹⁰, а кавказские матери его именем пугали своих непослушных детей.

Прибыв на Кавказ, А.П. Ермолов сразу же дал понять о предстоящих переменах в крае, разослав манифесты его народам. Лексико-семантическое содержание сих посланий не оставляло сомнений – никому спуску не будет! «Здесь мои предместники слабостию своею избаловали всех ханов и подобную им каналью до такой степени, что они себя ставят не менее султанов турецких... Я начал вразумлять их, что беспорядков я терпеть не умею, а порядок требует обязанности послушания... Всю прочую мелкую каналью, делающую нам пакости и наглые измены, начинаю прибирать к рукам... некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов»¹¹. Послания были окрашены энергичной экспрессивностью негативно-презрительного отношения к априори недостойным существам – «канальям», которых равными людьми признавать не должно. Потому они – лишь «пакостники» и «изменники», которые заслуживают только строгостей и устрашения.

Беспощадность к беспорядкам не прощала не только горцев, но и кавказские войска. «Здесь нашел я войска, похожие на персидских сарбазов», «есть ужасная дрянь, которую потому терпят, что давно служит»¹², – это об офицерах и генералах. Во всем доминирует негативная экспрессия, а иного от столь мотивированного и стремительного

⁸ Ермолов 2014. С. 7.

⁹ Гордин 2000. С. 101-102.

¹⁰ Ермолов 2014. С. 15.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Там же. С. 35.

человека ожидать трудно. В нем никогда не было и не могло быть сентиментальности. Всюду разлита едва сдерживаемая сила. В нем все кипит и клокочет: «...жаль, что мир необходимо нужен (царь требует – С.Л.)... Но если успею, то ручаюсь, что после не по-прежнему будем оканчивать войну в здешнем краю»¹³. По мнению Ермолова, все неустройства в крае берут начало от прежних командиров, которым оценка также презрительно-негативная. Вот «скот Гудович, раздал богатейшие околы Дербента селения одному владельцу, который одну отправляет службу, что дает убежище нашим дезертирам...»¹⁴.

Не жаловал Ермолов местных владельцев, выливая на них едкий сарказм: «У нас есть некоторый род собственных царьков. Это ханы... Лучший из них хан ширванский... Это сильнейший также, а потому я с ним приятель... Прочие ханы трепещут. Одного жду смерти нетерпеливо, как бездетного; другого хочется истребить, ибо молод, ждать долго, наделает скотина детей...»¹⁵. Используемый Ермоловым лексический ряд подобран намеренно так, чтобы не только и не столько выступать носителем информации, но самый информационный ряд одновременно продолжает быть оценочно-экспрессивным, заключающим в себе множество оттенков, касающихся не только природы описываемых объектов, но выражающим наклонности и сущность самого автора.

Социально-культурная среда Кавказа, по страстной убежденности Ермолова, такова, что не терпит никакого иного подхода, кроме устрашающей силы и презрения, которые не знают пощады. Это касалось не только народов «магометанских», но, например, относилось «к народу, Грузию населявшему...», которой «князья, не что иное есть, как в умеренном размере копия с царей грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными... Гордость ужасная от древности происхождения. Доказательства о том почти нет, и требование оного приемлют за оскорбление. Духовенство необразованное, глупое, те же меры жестокости употребляющее в изучении истин закона, житием своим подающее пример разврата... Народ простой, кроме состояния ремесленников, более глуп, нежели одарен способностью рассудка... ленив и празден, а потому чрезвычайно беден. Легковверен, а потому удобопреклонен ко всякого рода внушениям»¹⁶. Сама Грузия – страна дикая и непросвещенная, «которой бытие кажется основано на всех родах беспутств и беспорядков»¹⁷.

Усиление экспрессии в речи «прокуратора Кавказа» достигается не только степенью негативизма, содержащегося в окраске применяе-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же С. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 57.

мой лексики, как в данном случае наполнены концепты *ДИКИЙ*, т.е. находящийся в первобытном состоянии, грубый, или *БЕСПУТСТВО*, т.е. разгульность, моральная неустойчивость, но и использованием концептов, выходящих за пределы предназначенных им семантических границ¹⁸. Таковым выступает часто употребляемый концепт *РАСПУТСТВО*, используемый не столько в значении ведения развратной и разгульной жизни, сколько в стремлении передать и подчеркнуть исключительную неприемлемость, негативность передающегося данным концептом образа действий в существующих обстоятельствах социокультурной жизни. Чтобы заклеить, унизить и пригвоздить к позорному столбу, окончательно лишит legitimacy и вместе с тем узвять плохо скрываемой иронией тех, на кого они направлены.

Вот и приговор: «Если бы князя менее были невежды, народ бы предан нашему правительству, но как не понимают первые, еще менее могут разуть последние, что они счастливы, принадлежа России; а те и другие чрезвычайно неблагодарны и непризнательны. Словом, народ не заслуживает того попечения, тех забот, которые имеет о них правительство, и дарованные им преимущества есть бисер, брошенный перед свиньями...»¹⁹.

Ермолов возмущен и презрителен одновременно, что «господа сии», здесь слово «*господа*» в сочетании со словом «*свиньями*» особенный образец лексического напряжения в отношении к существам, которых рядом с людьми поставить нельзя, «...попробовали утратить меня» – и кто – сии твари! И как помыслить могли! – «что неудовольствия могут произвести неприятные следствия, а я им толкую, чтобы не смели думать о бунтах, что я имею единственное средство укрощать их... Толкую им, что прежде не так здесь усмиряли бунтовщиков, а что я так искусно обращаться умею к обязанностям, что на сто лет выблю из их голов не только действие, но даже самое слово бунта»²⁰.

Опыт и предопределенность подхода выработали в Ермолове стойкую убежденность в том, что Кавказ пропитан насилием, которое разлито в окружающей природе, в людях, в отношениях между ними, а потому не приемлет иного в поступках, отношениях, словах. Сами слова не просто должны быть средством отображения реального бытия, но делаться орудием превосходства, подбираться и произноситься так, чтобы подавлять и доказывать всю ничтожность несогласных, их ничемность, доминировать над ними во всем и всегда.

Иное отрицается им и не только не может порождать плодотворных побуждений, но смешит своим бессилием. Этот мир нельзя описать иначе, как его чувствуешь и понимаешь, а дух и понимание пере-

¹⁸ Ожегов 1975. С. 45, 152.

¹⁹ Ермолов 2014. С. 57.

²⁰ Там же. С. 54.

даются соответствующей лексикой. Презрение часто передается посредством брани, резкого порицания, содержащего высшую степень недовольства. Потому бранные слова превалируют в лексиконе «проконсула Кавказа». У него горские владельцы все суть люди «самых измненнических свойств, разбойники и злодеи, покрывающие себя гнусною изменою, злейшие русским неприятели»²¹, «...подлые бродяги и мошенники сии всеми презренные, никогда не возвратят того, что потеряли своими злодействами»²². Все внушает ему отвращение, и даже сама природа края с её «злодейским здесь климатом»²³, которая много вредит русским, отправляя в могилу многих солдат, вынуждая прибегать к известным предосторожностям и материальным затратам.

В связи с его отношением к миру Кавказа Ермолов выработал, как ему казалось, действенный инструмент, во всем сообразующийся с местными правилами и духом. Об этом он писал Денису Давыдову в январе 1820 г.: «Я многих по необходимости придерживался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием»²⁴. «Я начинаю вразумлять их (горцев – С.Л.) и, наконец, сделаю, что постигнут настоящий смысл, чего они стоят и как мало страшны... В три года с ними справлюсь, по крайней мере, столько, что они будут понимать обязанности свои правительству и Государю, слишком для них милосердному»²⁵.

И далее в том же роде, но в отношении ханов в северо-восточной части Кавказа: «...Трудно найти величайших злодеев и между самыми злейшими врагами... Изменник аварский хан»²⁶. «Не прибавляйте к гнусной измене вашей Государю великому и великодушному обмана, что вы не перестаете быть Ему преданным. Мне давно известно поведение ваше и я знаю, что по вашему внушению возмущены жители Дагестана против Российских войск и осмелились сражаться. На вас падут проклятия обманутых вами Дагестанцев, вы не защитите их и если соберете подобных себе мошенников, тем жесточе наказаны будете. Всегда такова участь подлых изменников»²⁷.

Те же меры в Кабарде: «...чрезмерно, будучи полтора года снисходительным к подлым и мошенническим поступкам народа кабардинского, напрасно ожидая, что князья восчувствуют сколь гнусно изменять добровольно данной в верности присяге, я буду применять совсем другие меры. Трамов аул наказал я как притон разбойников»²⁸.

²¹ АКАК. 1875. С. 7, 9-11.

²² Там же. С. 14.

²³ Ермолов 2014. С. 54.

²⁴ Цит. по: Гордин 2000. С. 123.

²⁵ Ермолов 2014. С. 44.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ АКАК. 1875. С. 25.

²⁸ АКАК. 1875. С. 466.

Постоянной бранью в адрес кавказских владельцев Ермолов стремился не просто запугать их, угрожая карательными мерами, но постоянно подвергать их психологическому давлению, раздавить их волю к сопротивлению. В то же время сила экспрессивности, которую эксплуатировал Ермолов в содержании постоянно тиражируемого лексического набора, не отменяла холодного и жестокого расчета.

Власть, которой Ермолов обладал на Кавказе, его представления о собственном месте и предназначении, формировала его как покорителя Кавказа. Отсюда его лексика и психологическое превосходство над «мошенниками», «гнусными предателями», «пакостниками», «шалунями», «хищниками» и прочей «канальей», которые в его интерпретации сделались почти официальным именем горцев. От них «зло так уже велико, что требует крутых и сильных мер»²⁹.

Он не мог допустить, чтобы кто-то противился воле всемогущего прокуратора Кавказа и покорителя Востока. Сообщая своему приятелю Арсению Закревскому о содержании и слоге манифестов, отправляемых к кабардинскому народу, он писал: «Здесь такие писать должно и что сим способом скорее успеешь. Ты в сем манифесте узнаешь слог Бонапарте, когда в Египте, будучи болен горячкою, говаривал он речи. Я брежу без горячки! Однако же, как бы то ни было, я в горах между неприязненными нам народами начинаю поселять великий ужас»³⁰.

Часто в лексическом ряду Ермолова используется сочетание теза/антитеза: *порядок – беспорядок*. Это отмечает Я.А. Гордин³¹. В трактовке Ермолова «порядок» – это цивилизация и устройство регулярной государственности, которые противостоят варварству и своеволию – «беспорядку», носителями которого выступали обитатели горных трущоб, «закоренелые в грубом невежестве» и в равной степени жители Грузии, «страны дикой и непросвещенной».

Выявленное противопоставление «порядок» – «беспорядок» применяется Ермоловым и при описании территорий, подконтрольных российским властям. Здесь семантическое содержание данных лексем близко их прямому значению, лишены сарказма или презрения, но вместе с тем отражают высокую степень возмущения и досады одновременно. Например, Ермолов писал Закревскому: «...не мог найти ни малейших выгод во время пребывания у вод, ибо в проезд мой чрез Георгиевск я был там нарочно и ужаснулся страшного беспорядка (курсив мой – С.Л.), которому не мог я помочь... Устроение вод в порядок должно бы, однако же, быть занятием правительства...»³².

²⁹ Ермолов 2014. С. 122.

³⁰ Там же С. 72.

³¹ Гордин 2000. С. 116.

³² Ермолов 2014. С. 81.

Та же теза/антитеза «*порядок – беспорядок*», обращенная к войскам Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), полна горечи и констатации удручающего положения в войсках, находившихся на Кавказской линии и в Грузии: «...нашел многих частей *беспорядок* (здесь и далее курсив мой. – С.Л.), превышающий ожидания мои, вижу, однако же, что постоянным упражнением и временем могу восстановить уничтоженный и учредить доселе не введенный *порядок*»³³. «*Беспорядок*» Ермолов находит в неприемлемых для войск бытовых условиях или недостатках продовольственного снабжения: «Провиантская часть с ума сводит. В магазинах нет ничего. Денег не присылают вовремя, присылают мало... Теперь в таком *беспорядке* часть сия, что все войска в Грузии местными способами довольствуемые, остаются без запасов и живут от одного дня до другого»³⁴.

Недостаток снабжения войск он исправил, добившись, чтобы император Александр I распорядился присылать на нужды ОКК, состоявшего тогда из 16640 человек, ежегодно по 160000 (159 744) рублей ассигнациями. Чуть позже, после возвращения из дипломатической миссии в Персию, пригнал стадо баранов в 7000 голов, которых он обменял на подносимые ему дорогие подарки от ханов и шаха и передал на нужды войск в полки. Тем обеспечивалась прибавка в солдатский рацион мяса и полушубков, которые сберегали здоровье солдат³⁵. «*Беспорядок*» он видит и в том, что изнурялись войска на путях, «доселе на трудных и во многих местах почти непроходимых», и распорядился приступить к устройству военных дорог³⁶.

«*Беспорядком*» он помечает положение в делах по гражданской части. «Был в судах. Не удивлялся некоторым *беспорядкам*, ибо они везде одинаковы, но досадно мне нерадение, и кажется мне, что я заставил себя остерегаться»³⁷. Рецепт борьбы с беспорядками в пользу порядка уже проверенный – страх, угрозы, сила.

Теза/антитеза «*порядок – беспорядок*» отражается в отношении Ермолова к вверенному в его управление краю, в его преобразовательных действиях в отношении как мирных, так и неприязненных к русским горских обитателей, она часть его жизненного кредо. «*Порядок*» – это то, что он замыслил и реализовывал как покоритель Кавказа. «*Порядок*» – Альтер-эго Ермолова в назначенном ему судьбой поприще. В свою очередь, «*беспорядок*» для него – вместилище нечистоты, низменного, изменнического, мошеннического и презираемого, борьба с которым должна была вывести его к Славе и Предназначению.

³³ Гордин 2012. С. 386.

³⁴ Ермолов 2014. С. 34.

³⁵ Гордин 2012. С. 386-387.

³⁶ Там же.

³⁷ Ермолов 2014. С. 33.

Для графа М.С. Воронцова Кавказ – последнее поприще, о котором он не мечтал, как А.П. Ермолов. Оно было дано ему по выбору императора, ибо многие другие до него не сумели справиться с поставленными задачами в Кавказском крае. Кавказское поприще Воронцову «сулило огромные труды и заботы при весьма загадочных лаврах»³⁸. В то же время его прежняя европейская известность была достаточно прочной, чтобы ничто не могло отнять от его имени громкой славы: она у него уже была. Воронцову не нужно было что-либо доказывать.

Путь к широкой известности он, как и Ермолов, начал в 1812 г. Богатство позволило ему спасти реноме Русской армии во Франции, где он командовал оккупационным корпусом в течение 1814–1818 гг., заплатив офицерские и солдатские долги в полтора миллиона рублей, на что обратили благосклонное внимание, как в Европе, так и в столичном свете, и при имперском дворе. Несомненное развитие получили Новороссия и Бессарабия, куда он был назначен генерал-губернатором в 1823 г. и управлял ими до 1844 г. Там развился его созидательный талант и оттачивались тонкости дипломатических задатков.

Семнадцатилетний срок, отделявший кавказское поприще графа Воронцова от поприща генерала Ермолова, предопределил иные обстоятельства и иное предназначение. Воронцов пришел на Кавказ как устроитель, которому поручалось «водворять» край в состав России и оплодотворить его «гражданственностью» и благополучием, чтобы отнять «способы» сопротивления у «неприятных нам» народов. В Петербурге поняли, что покорить Кавказ одной военной силой нельзя. Выбор императора Николая Павловича назначить на Кавказ графа Воронцова объяснялся тем, что «ожидали большую пользу от назначения Воронцова, поскольку тот является любителем всего полезного»³⁹. На графа М.С. Воронцова работало его аристократическое происхождение, среда, в которой он проходил социализацию, пример его отца С.Р. Воронцова, английское воспитание. Он был «человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношении с высшими»⁴⁰. В нем не предполагали открытой брутальности – во всем прагматизм, все без мечтаний – по делу и обстоятельствам – в словах и поступках. Отсюда и способ мировидения, миропонимания и способ вербализации кавказского пространства – лексика отображения окружающей реальности и преобладающий смысловой конструктивизм⁴¹.

³⁸ Корф 1900. С. 51.

³⁹ Булгаков 1903. С. 457.

⁴⁰ Толстой 1976. С. 581.

⁴¹ Понимая концепт как «представление о фрагменте мира» (Пименова 2004. С. 8), можно утверждать, что лексика проявляет и выявляет это представление, раскрывая «своего рода свернутый глубинный смысл» концепта (Красных 2003. С. 269).

М.С. Воронцов – не покоритель Кавказа, а его устроитель. Потому начало его кавказского поприща открывалось посредством концепта *ВНИМАНИЕ*, заключавшегося в возможности сосредоточиться на одном из типов поступавшей информации, определенных (важных и актуальных) объектах, процессах и областях предстоявшей преобразовательной деятельности⁴². Его действия опирались на базовый принцип – «обратил внимание», как только он оказался на Кавказе, чтобы всему дать устроенный и законченный вид. Сам концепт *ВНИМАНИЕ* – тот горизонт, в рамках которого могла производиться позитивная и созидательная работа, в свою очередь, связанная с концептом – *МИРОУСТРОЙСТВО*, который предполагал дать направление и ход всем выявленным процессам, наладив и придав им нужный вид и порядок.

С приездом Воронцова по многим местам Кавказа стали устраиваться плодовые питомники, которые «принесут существенную и практическую пользу». С их помощью предполагалось «разлить по всему краю сведения и охоту к садоводству, виноделию и разного рода земледельческим занятиям»⁴³. Воронцов также приказал «сделать поиски каменного угля...» в разных частях Кавказского края, поскольку «...употребление его вместо дров, будет чрезвычайно полезно». Он же распорядился отдать имевшиеся в казенном распоряжении нефтяные колодцы в откупное содержание, чтобы вырученные деньги направить «для разных полезных предприятий в крае»⁴⁴.

Мироустроительная деятельность графа Воронцова в изначальной сущности своей была направлена на все *ПОЛЕЗНОЕ*, способное преодолеть любые препятствия и преграды в построении разумного и упорядоченного социально-культурного существования Кавказа.

В связи с устроительными усилиями в лексике Воронцова неизбежно появлялась теза/антитеза «*порядок – беспорядок*», которая присутствовала как центральная и смыслоопределяющая его пребывание на Кавказе, но, в отличие от Ермолова, в ней отсутствовала напряженность судьбоносности, предопределения сверхзадачи: пан или пропал! Все было спокойно, буднично и систематично, определялось этапностью задачи. Во всем было стремление «дать аккуратный отчет...»⁴⁵ с калькуляцией затрат и средств, с тщательным разбирательством дел «к пользам и выгодам»⁴⁶. У Воронцова концепт *ПОРЯДОК* как правильное и налаженное состояние невозможен и неотделим от концепта *ПОЛЬЗА*, от того, что содержит в своей основе положительные последствия. Он нацелен приносить *ПОЛЬЗУ* – в этом его предназначение и

⁴² Краткий словарь когнитивных терминов. 1997. С. 15-16.

⁴³ АКАК. 1885. С. 835.

⁴⁴ Там же. С. 836.

⁴⁵ Удовик 2004. С. 296.

⁴⁶ АКАК. 1885. С. 24.

самоосуществление. В своем нерасчленном сочетании концепты *ПОРЯДОК* и *ПОЛЬЗА* выступали в его лексико-семантической системе как основополагающий способ бытия, как путь к Абсолюту.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА требовали приведения в ясность всех отношений для обеспечения твердых оснований в делах и положении всех сословий в Кавказском крае⁴⁷.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА состояли в том, чтобы «дать правильный ход здешней торговле»⁴⁸, и производить разбирательство дел «к пользам и выгоде (курсив мой – С.Л.) торговых сословий»⁴⁹.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это и необходимость, то, без чего нельзя было обойтись, и выгода устройства сообщений – «важный предмет здешнего края»⁵⁰.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это способ «водворить мир в стране вашей, восстановить... спокойствие, возвратить всем племенам Кавказским тишину и безопасность, которые одне могут обеспечить счастье и благоденствие края»⁵¹.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это и устройство портов на побережьях Черного и Каспийского морей, это связующие прибрежные поселения морские пароходства, учрежденные им и снабжавшие мирное население и армию необходимыми жизненными припасами или оружием.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это обустройство городов, городских садов и бульваров, развитие городского образа жизни с имперским качеством и обыкновениями просвещенного европейского существования.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это и развитие всех видов предпринимательской деятельности, способных не только обогатить выгодами предприимчивых людей всех сословий, но превратить Кавказский край в место благополучного и созидательного существования, способного стать преградой враждебности и войне.

Антитеза «*порядок – беспорядок*», как разрушение всякого устройства, полезности, удобства, выгоды, успеха, была неприемлема для созидательной натуры графа Воронцова. «*Беспорядок*» «умедливал» всякие улучшения, перекрывал путь к «*успеху*» в делах, выступал на стороне, противной любым полезным усилиям со стороны Российской империи в Кавказском крае.

От открытых беспорядков граф Воронцов переживал неудовольствие, а его лексика получала некоторую порцию негативной экспрессии, которая, однако, не выходила за рамки нормы. Так, обозревая Кавказ сразу же по приезде в край, он выявил, что чиновники «по

⁴⁷ Там же. С. 11.

⁴⁸ Там же. С. 838.

⁴⁹ Там же. С. 24.

⁵⁰ Там же. С. 14.

⁵¹ Там же. С. 361.

гражданскому управлению негодяи в большинстве...»⁵². В Тифлисе «...тотчас был замучен не только хаосом всякого рода дел и текущих, и запущенных, в дополнение всего этого, должен был открыть настоящие военные действия против некоторых ужасных злоупотреблений по разным частям, и, между прочим, по инженерству»⁵³.

Напряженность и драматизм ситуации, которую переживал Воронцов, передавались не словесной бранью, приближавшейся к границам нормативности, но усилением экспрессии в лексических сопряжениях. Посредством использования лексемы «хаос» он подчеркивал степень расстройств в делах, а предикатом «ужасный» характеризовал состояние дел, дополняя его лексикой из иного смыслового ряда. В приведенной цитате – «открыть настоящие военные действия» в ситуации борьбы с беспорядком в сфере невоенной.

БЕСПОРЯДОК у Воронцова – не сосредоточение низменного или изменнического, заслуживающего безоговорочного презрения и подавления, как у Ермолова, а скорее *недостаток полезного*, то, что препятствует осуществлению полезности и достижению выгоды. Это проявляется в самых разных ситуациях: «С самого моего приезда в Тифлис, я обратил внимание на *недостаток* (здесь и далее курсив мой. – С.Л.) в нем театра и считал учреждение его здесь не только не лишним, но и во многих отношениях крайне *полезным*»⁵⁴; или когда «из-за *недостатка* переправ через Терек для всех военных действий, как летом, так и зимою... и часто от наводнения реки в самое нужное время, нельзя было ни переходить войскам по назначению, ни доставлять им все нужное во время экспедиции»⁵⁵; или когда «от *недостатка* удобных сообщений парализуются все действия правительства... и для торгующих лиц не только затруднительно, но и невозможно действовать»⁵⁶.

Рядом с концептами *ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА*, идущими в неизменной связке, обязательно существование целевой его установки – *ВЫГОДА*. Концепт *ВЫГОДА* в ментальном поле Воронцова выступает важным дополнением к концептам *ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА*, в равной степени содействует положительному обустройству мира, которые Воронцов предлагал горцам в обмен на отказ от разрушительности войны и вражды, убеждая, что единственная цель его состоит в том, «чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, коих вы можете пожелать»⁵⁷. Воронцов не запугивает и не старается устрашить, он предлагает *ВЫБОР*, взять нужное из наличного, указывая

⁵² Удовик 2004. С. 296.

⁵³ Там же. С. 302.

⁵⁴ АКАК. 1885. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 849.

⁵⁶ Там же. С. 839-840.

⁵⁷ Там же. С. 10.

горцам на пагубность их заблуждения, когда, «упорствуя в дерзком сопротивлении и беспрестанной враждебности», они сами подвергают опасностям свои семьи и разрушают благосостояние своей страны, которую «вовлекаете в неизбежные бедствия войны»⁵⁸. Он старается отговорить от ошибочного поведения, используя форму негативного качества «*дерзкий*», отождествляя с ним пагубное и ведущее от «*пользы*» действие, имеющее вид смелости, которая вырождается в грубую и оскорбительную выходку, без шансов для позитива⁵⁹.

Исторический опыт взаимоотношений между людьми показал Воронцову, что при возникновении спорных ситуаций и попыток их урегулирования, основанных на принципе: кто сильнее, тот и прав – как правило, приводит не к разрешению и исчерпанию спорных оснований, но к ожесточению и новым, более глубоким конфликтам⁶⁰. Поэтому в своих отношениях с немирными горцами он хотел продемонстрировать добрую волю российских властей, создать прецедент на будущее и, наконец, лишить враждебную сторону людей, способных укрепить её силы. Граф Воронцов встречался с горскими депутациями и вел мирные беседы, обольщал, «оказывал внимание, ласкал, поощрял, интересовался» условиями их существования, все время, указывая им на «*выгоды*» принятия русских условий⁶¹. Воронцов чаще пытался уговорить горцев, чем заставить покорствоваться перед вооруженной силой. Потому в его усилиях неожиданный глагол «*ласкать*» в ситуации противостояния использовался для обозначения направленности действия, связанного со стремлением успокоить, утешить, обнадежить, вывести за пределы вражды, предоставлял возможность немирным обществам выйти из сложного положения, в котором они пребывали, переложив всю ответственность за сложную ситуацию в горах на тех людей, кто своими честолюбивыми и коварными наущениями «употребляют во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждения»⁶².

Люди, откровенно враждебные России, её монарху, обозначаются в лексическом строе М.С. Воронцова «*честолюбцами*», чье качество и направленность усиливается негативно имманентным и скрытым содержанием, реализуемым концептом *КОВАРСТВО*, который определял существовавшую в их действиях злонамеренность, скрываемую показным смирением или вероломным отступничеством от даваемых присяг.

В системе отношений Россия – горцы, Воронцов большей частью маркировал жителей гор через лексемы «*заблуждение*» и «*неразумие*» и меньше – как «*хищники*» и «*злодеи*». В отношении к непримиримым

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Ожегов 1973. С. 148-149.

⁶⁰ Попов 2010. С. 16-17.

⁶¹ Волконский 1880. С. 212.

⁶² Там же.

горцам он не доходил до презрения, отдавая дань их находчивости и предприимчивости, храбрости и стойкости, хотя и не считал их равными, поскольку те существовали за пределами привычного для него русского и европейского миров. Его отношение к горцам определялось снисхождением к тем, кто находился в условиях естественной первобытности, не знавшей созидательного воздействия света просвещения и европейской цивилизации. Когда ему приходилось вразумлять неисправимых и неразумных, он не стеснялся прибегать к угрозам, обещая горцам: «Если же вы отвратите слух ваш от спасительных слов... то, будучи обязан сражаться с вами, я призыву на вас гнев Божий за пролитую кровь»⁶³. Призывая в помощь беспредельную и священную мощь Бога, Воронцов усиливал эмоциональный заряд своего послания, придавая абсолютную правоту своим словам и поступкам и внушая своим противникам чувство вины и святотатства – неправоты.

Не менее важный концепт в ментальности Воронцова – *НЕОБХОДИМОСТЬ*, как настоящая потребность, надобность, то, без чего нельзя было обойтись⁶⁴. В нем сосредоточивалась категорическая императивность долженствования и торжества всего производившегося им в Кавказском крае. Это был главный камень в фундаменте возводившегося им здания *ПОРЯДКА – ПОЛЬЗЫ – ВЫГОДЫ*. Край необходимо имел «большую нужду в улучшенных способах возделывания земли и приготовления различных произведений», поэтому Воронцов находил «не только *полезным*, но даже *необходимым*... дать этому делу немедленно лучшее направление»⁶⁵.

Концепт *НЕОБХОДИМОСТЬ* характеризует здесь качество состояния, придает концепту *ПОЛЬЗА* оттенок безусловности и бескомпромиссности. *ПОЛЬЗА* следует за полезными, т.е. обязательно выгодными и продуктивными усилиями. «В Эриванском уезде мы начали возобновлять и улучшать старые водопроводы... дело идет с успехом... По части дорог я стараюсь устроить прибрежную дорогу от Сухумкале до Редут-кале», а «ген.-м. Бюрно делает прекрасное шоссе по Шинскому ущелью и речке Ахты-Чай. Эта дорога будет драгоценная во всех отношениях и укоротит более, нежели 200 верст для военных движений и торговли из Кахетии в Южный Дагестан и Дербент»⁶⁶.

«*Польза*» и распространение её «*необходимости*» в крае способствовали появлению людей, всегда готовых и всегда умеющих помогать во всем «*полезном*»⁶⁷, и тем самым способствовать преобразению

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ожегов 1973. С. 371.

⁶⁵ АКАК. 1885. С. 834.

⁶⁶ АКАК. 1885. С. 322-323.

⁶⁷ Там же. С. 841.

края и сближению его с Россией, приучать к мысли, что от России шло все самое «лучшее» и «полезное».

В то же время устройство Кавказского края требовало систематичности в действиях и терпения. Концепты *СИСТЕМАТИЧНОСТЬ*, т.е. последовательность в действиях, постоянно повторяющихся и не прекращающихся, и *ТЕРПЕЛИВОСТЬ*, т.е. настойчивость, упорство и выдержка – обязательная часть ментального поля Воронцова. Он убеждал Петербург, что производимые им работы – не порыв эмоций, а расчетливый и выверенный проект, требующий терпеливого каждодневного хода, рассчитанного на годы: «Я постоянно и терпеливо следовал системе... Мы начали зимою 1845 года и продолжаем две последующие зимы рубку лесов и расширение прежних просек...»⁶⁸.

Такой подход приносил «пользу» не только в сферах мирного гражданского существования, но и при необходимых военных мерах.

М.С. Воронцов сообщал в отчете императору за 1849 г., что «в течение последних трех лет, ни одно из неприятельских покушений не было успешно, после болезненной для него экспедиции в Кабарду...», а «все отчаянные усилия Шамиля для восстановления беспрепятственно ослабевающей его власти, кончались, без исключения, к его стыду и дали только новые случаи храбрым войскам оказывать опыты усердия и храбрости... На восточном берегу Черного моря мы также не имели нигде ни малейшей неудачи». В Грузии и других областях закавказских, «если с одной стороны, есть и будут, на первый раз, несогласия и интриги, то они не будут нам долго препятствовать, тем более что общая масса жителей, как дворянства, так и простого народа не может не видеть собственной их пользы»⁶⁹.

В результате позитивных усилий многих людей, которыми руководил Воронцов, а также его собственного умения соединять задачи империи и находившегося под его управлением края, были выработаны гибкие механизмы и определены приемлемые для сторон начала общежития. Постепенно внедряя систему, выраженную концептами *ПОЛЬЗА* и *ВЫГОДА* в повседневное сосуществование России и Кавказа, Воронцову удалось поставить в центр межкультурных взаимодействий сущностное содержание концепта *БЛАГО*. Это сосредоточивало мысли и дела на том, что давало достаток, материальное благополучие, мирное и безопасное существование, удовлетворенность жизнью, и тем самым оттеснить враждебность и войну на их периферию.

Таким образом, фигуры А.П. Ермолова и М.С. Воронцова, имеющие непреходящее значение в истории инкорпорации Кавказского края в состав Российской империи, фигуры не только разные по свое-

⁶⁸ Там же. С. 849.

⁶⁹ Там же. С. 850-851.

му внутреннему содержанию и происхождению, но и по их пониманию Кавказа, своих целей и предназначения их кавказского поприща.

Это различие проявлялось в всем, в т.ч. в составе использовавшейся ими лексики, которой они маркировали социокультурное пространство Кавказа. Семантический ряд в лексиконе каждого из них характеризовал не только их отношение к миру Кавказа, но и самих акторов. Даже когда лексический набор совпадал по своей форме и месту приложения, он неизбежно наполнялся разным семантическим содержанием и качеством, по-разному интерпретировался.

Различие между А.П. Ермоловым и М.С. Воронцовым четко фиксируется в индивидуальной языковой картине мира. Лексический ряд отображает тот конструкт, который каждый из них хотел бы представить миру. Если отталкиваться от позиции В.В. Красных, который определяет языковую картину мира как «мир в зеркале языка»⁷⁰, то языковые картины Ермолова и Воронцова, фиксируют сознание и внимание на собственных манифестациях и интерпретациях реального мира, преследуя, осознанно или нет, цели, заданные их изначальными ментальными параметрами. Языковая картина не передает всей полноты реальной картины мира, а лишь фиксирует то, что интерпретирует каждый из них как индивид. В силу того, что языковая картина мира создается номинативными и функциональными средствами языка – лексемами и фразеологизмами, то репрезентация одних и тех же слов (концептов) у разных людей позволяет выявить специфику в способах интерпретации одного и того же концепта.

Если выделить ключевые слова, при помощи которых А.П. Ермолов выстраивал свою языковую картину мира, посредством которой он репрезентировал Кавказ (*каналья, злодеи, предатели, дерзкие шалости, дрянное существо, разбойники, беспутство, разврат, уроды, алчные народы, наглости, мошенники, скоты, пакостники*), то в ней явно преобладали негативные категории, которые несли в себе качества пренебрежения, презрения, унижения, предназначенные подчеркнуть его превосходство и величие, но отнюдь не представить реальный Кавказ. У М.С. Воронцова языковая картина мира Кавказа опирается на совокупность ключевых слов иного качества. Большой частью Воронцов оперирует нейтральными или содержащими позитив лексемами: *польза, выгода, порядок, доверенность, усердие, устройство, благоустройство, усовершенствование, улучшение, успех, необходимость, безопасность, примирение*.

А.П. Ермолов прибыл на Кавказ, чтобы покорить его, получить в качестве трофея-награды за труды свои и в таком качестве преподнести его России, в то время как М.С. Воронцов, будучи на Кавказе, по-

⁷⁰ Красных 2003. С. 18.

звал его в Россию, предложив выбор между неустойчивыми войнами и враждами и пользой мирного сосуществования.

А.П. Ермолов демонстрировал на Кавказе, прежде всего, военную и карающую мощь империи, добивался покорности и безропотности, в то время как М.С. Воронцов убеждал Кавказ созидательной силой имперской культуры и образа жизни, добивался стабилизации общей обстановки, примирения большей части местного населения с Россией.

А.П. Ермолов полон нетерпения и ярости. Он намеревался преобразовать Кавказ в три года, для него губительна любая «медленность». М.С. Воронцов – человек холодный, его преобразовательная деятельность предполагала постепенность, систематичность и терпение.

Выявленные различия в темпераментах и целях обуславливали и различие лексических рядов, отражавших индивидуальные особенности концептосферы каждого из них. Доминирование лексического ряда негативной семантики у Ермолова возникает не столько от частоты использования соответствующих бранных слов, сколько от яркой экспрессивной окрашенности данной лексики, которая затмевает все многообразие остального лексического поля, которым он репрезентировал мир Кавказа. Словарный ряд Воронцова в семантическом наполнении спокоен и размерен, колеблется в рамках мировидения, очерченного лексемами *порядок – польза – выгода – благоустроенность*.

В интерпретации концептосферы каждого из акторов важна доминанта восприятия, определявшаяся направленностью их практической деятельности, предметной активностью, в которую она была вплетена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК) / Под ред. А.П. Берге. Тифлис, 1875. Т. VI. Часть 2. 950 с.; 1885. Т. X. 938 с.
- Архив князей Воронцовых. М., 1892. Т.38. 543 с.
- Воронцов М.С. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1882. Т. 7.
- Воронцов М.С. Письма к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. №2. С.161-214; № 3. С. 329-365; № 4. С. 441-472;
- Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.
- Гордин Я.А. Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012. 600 с.
- Ермолов А.П. Записки. 1798–1826. М., 1991. 463 с.
- Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2014. 832 с.
- Корф М.А. Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. № 1. С. 25-56.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 197 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. проф. Н.Ю. Швецовой. Изд. 10-е стереотипное. – М.: Советская Энциклопедия, 1975. С.45, 152. 846 с.
- Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. 208 с.
- Булгаков К.Я. Письма К.Я. Булгакова к его брату А.Я. // Русский архив. 1903. Кн. 4. С. 449-491.

- Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. М.: Международные отношения, 2010. 576 с.
- Толстой Л.Н. Избранное. Л.: Лениздат, 1976. 664 с.
- Удовик В.А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. 413 с.

REFERENCES

- Akty, sobrannye kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei (AKAK) / Pod red. A.P. Berzhe. Tiflis, 1875. T. VI. Chast' 2. 950 s.; 1885. T. X. 938 s.
- Arkhir knyazei Vorontsovykh. M., 1892. T.38. 543 s.
- Vorontsov M.S. Pis'ma ego k knyazyu V.O. Bebutovu // Russkaya starina. 1882. T. 7.
- Vorontsov M.S. Pis'ma k A.P. Ermolovu// Russkii arkhiv. 1890. №2. S.161-214; № 3. S. 329-365; № 4. S. 441-472;
- Gordin Ya.A. Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka. SPb.: Zhurnal «Zvezda», 2000. 464 s.
- Gordin Ya.A. Ermolov. M.: Molodaya gvardiya, 2012. 600 s.
- Ermolov A.P. Zapiski. 1798–1826. M., 1991. 463 s.
- Ermolov A.P. Kavkazskie pis'ma. 1816–1860. SPb.: OOO «Zhurnal «Zvezda», 2014. 832 s.
- Korf M.A. Iz zapisok barona (vposledstvi grafa) M.A. Korfa // Russkaya starina. 1900. № 1. S. 25-56.
- Krasnykh V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 375 s.
- Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / Pod obshchei redaktsiei E.S. Kubryakovoi. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 197 s.
- Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka/ Pod red. prof. N.Yu. Shvetsovoi. Izd. 10-e stereotipnoe. – M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1975. S.45, 152. 846 s.
- Pimenova M.V. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku. – Kemerovo, 2004. 208 s.
- Bulgakov K.Ya. Pis'ma K.Ya. Bulgakova k ego bratu A.Ya. // Russkii arkhiv. 1903. Kn. 4. S. 449-491.
- Popov V.I. Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya – nauka i iskusstvo: Kurs lektzii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010. 576 s.
- Tolstoy L.N. Izbrannoe. L.: Lenizdat, 1976. 664 s.
- Udovik V.A. Vorontsov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 413 s.

Лазарян Сергей Степанович, доктор исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии «Пятигорского государственного университета; aflost@yandex.ru

A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov: strategies of conquering the Caucasus in vocabulary and semantics

The article compares the foundations of the Caucasian campaigns and administration by A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov, and produces a characteristic of their work through the analysis of their vocabulary that reflected reality that surrounded them.

Keywords: the Caucasus, Imperial administration, conquest, institutions, vocabulary, concept, expressionism, opposition, semantic world image.

Sergey Lazaryan, PhD in History, associate professor, Pyatigorsk State University; aflost@yandex.ru